

18+

СВЯТОСЛАВ
ЩЕРБИНIN

**ЛЮБОВЬ
ИЛИ
СМЕРТЬ**

Святослав Александрович Щербинин

Любовь или смерть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32830049

ISBN 9785449077950

Аннотация

Тайны прошлого не позволяют увидеть будущее. Макс, Люси, Лиля. Что их объединяет? Поломанные судьбы или древнее проклятие «Черного сердца»? Какой ты, когда оказываешься наедине с собой, наедине со своими мыслями? Когда ты беспомощен, когда вокруг тебя смерть, и ты не знаешь, кто настоящий друг, а кто под прикрытием. Мир уже на пороге своего финала. Жизнь каждого обретет и потеряет смысл. Никто не останется прежним, и только время расставит все на свои места. Но сможет ли любовь победить смерть?

Содержание

Глава 1	5
Часть 1.Люси	18
Глава 2. Новая жизнь	18
Глава 3. Ниточка прошлого	31
Вечеринка	32
Не надыхаться перед смертью	46
Реабилитация	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Любовь или смерть

**Святослав Александрович
Щербинин**

*Посвящается моей любимой маме Галине, отцу
Александрю.*

Без вас эта книга бы не обрела жизнь.

Корректор Оксана Сизова

© Святослав Александрович Щербинин, 2020

ISBN 978-5-4490-7795-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Много людей живет не живя, но только собираясь жить.

©В. Белинский

Сентябрь 2014

Несколько вдохов и один тяжелый выдох. Одинокий, непримечательный запах увядающих роз. Вещи нелепо разбросаны по комнате. Никогда еще не волновалась так сильно, как этим утром. Перелистнув последние страницы фотоальбома, решительно скидываю одежду в сумку.

Какой бардак! Сколько ненужного хлама, оказывается, живет в моем шкафу. Больше половины придется выбросить... Нет, лучше всего отдать нуждающимся, а остальное, пожалуй, заберу с собой. Главное – не забыть напомнить отцу.

Забив дорожную сумку до предела, подхожу к деревянной полке, которая невзрачно прячется в интерьере. Нахожу глазами то, что мне нужно. Протягиваю руку. Не спеша беру

запылившуюся книгу в твердом переплете. Даже от нее веет воспоминаниями. «Ромео и Джульетта». Романтичные со-
неты Шекспира зачитаны мною до дыр, помню каждый на-
изусть.

Да что могут значить эти книжонки, никому не нужная
макулатура? Они же не стоят и фунта! А ответ – значат мно-
гое. Их ценность вовсе не в деньгах, в другом.

Они стали моим талисманом, чем-то наподобие четырех-
листного клевера или счастливого мяча, которым забиваешь
первый гол, они научили смотреть на мир другими глазами,
искать частичку света в бескрайней пустоте, во мраке, на-
учили мечтать и верить в искреннюю любовь. Но по правде
говоря, не только поэтому...

Ладонью смахиваю пыль. Аккуратно открываю. Резкий
запах старости. Кажется, что еще сам Шекспир брал когда-то
ее в руки. Первая пожелтевшая страница, подпись черными
чернилами:

*«Моей любимой, славной малышке
Люси. От мамы в день рождения...
7 февраля 2003 г».*

– Люси, ты скоро там? Такси уже ждет! – кричит отец
с первого этажа. Чуть слышно.

– Сейчас! Сейчас спущусь, – отвечаю громко, кладу блок-
нот и свой «талисман» на самый верх сумки.

Еле-еле застегиваю молнию. Правой рукой хватаю за ручки. Выхожу в коридор. Закрываю приоткрытую дверь до щелчка и быстро лечу вниз по лестнице.

– Так давай помогу! – папа выхватывает из моей руки вещи, как только моя нога касается пола. – Судя по весу этого агрегата, ты решила с собой увезти всю комнату?

– Угу.

Мне бы его оптимизм... Всегда завидовала.

Вслед за отцом выхожу во двор. Пока он грузит мои вещи в багажное отделение такси, тихо смотрю на дом, засыхающий сад и небрежно окрашенные качели. Здесь прошло мое детство, мои самые лучшие годы.

Все как-то изменилось. Опустело, что ли. Плющ пожелтел, цветы и газон в печальном состоянии, а те самые, мои любимые, качели нуждаются в срочном ремонте, уж очень давно их никто не использовал по назначению. Краска облезла, а металлические основания заржавели от повышенной влажности.

Смотря на все со стороны, страшно представить, как быстро пролетело время. Как вмиг я выросла!

«Я буду скучать», – тихо, монотонно шепчу про себя, перекручивая мысли в голове. Закрыв глаза на несколько секунд, делаю глоток свежего воздуха, сажусь в машину.

Захлопнув дверь, устроившись поудобнее, смотрю в глаза папы.

– Обязательно звони, как появится свободная минутка,

не забывай старика! Звони, поняла? – говорит отец, смотря на меня сквозь опущенное стекло автомобиля.

– Конечно... и да, наверное, ты прав! Мне будет лучше в «приюте-пансионе», который называется колледжем, или как там его...? Я-то буду звонить, а ты? Будешь ли ты отвечать, находясь в постоянных разъездах?

Договорив, легким нажатием на кнопку поднимаю стекло до упора. Отворачиваю лицо, смотрю на водителя. Таксист, прочитав мой жест правильно, начинает трогаться. В зеркале заднего вида невольно замечаю папу, он стоит у дороги и машет рукой. Грубость – не метод улучшения отношений, в моем случае все просто. Грубость выражает недовольство и мою потерянность.

Из кармана джинсов достаю плеер. Наушники. Распутываю провода. Втыкаю в уши. Музыка врывается в сознание. Акустическая гитара и нежный голос любимого исполнителя. Поворачиваю голову вправо, пытаюсь рассмотреть, происходящие за тонированным окном.

Осень в этом году наступила рано. Первые желтые листья осыпаются с могучих кленов, а дождь бьет по крышам грустных домов, стекает по холодным стеклам. Люди вокруг куда-то спешат, каждый из них тонет в своих заботах и проблемах. Этот мир кажется большим муравейником, в котором все мы, словно марионетки, играем чью-то до мелочей продуманную пьесу.

Из-за облаков показываются едва заметные лучи. Солнце,

пробиваясь сквозь серые тучи, тонко отдает блеском на моих золотистых локонах через лобовое стекло. Закрывая глаза, чувствую, как кожа впитывает ультрафиолет. Всего каких-то жалких три минуты, и мой источник позитива снова меркнет под завесой грозových масс. В голове опять килограммы мыслей.

Так уж сложилось. Раньше я не ценила секунд, проведенных вместе с родителями, полет чернокрылого шмеля над цветущей пряной травой и закаты, которые необычайно прекрасны в августе. Только сейчас понимаю, что жизнь состоит из пазлов, из крохотных мгновений, которые даже не зацепятся в памяти. А ведь новый день – это новая жизнь.

Надеюсь, в моем запасе есть еще огромное множество пустых страниц, на которых будет дописан мой роман. Начинать сначала не страшно. Теперь не страшно...

Бетонные коробки, унылые каменные джунгли. Лондон всегда был таким, сколько его помню. Солнечных дней здесь крайне мало. Всем просто приходится любить дождь, сырость и туман. Раньше я тоже его любила, а теперь почему-то ненавижу.

Два часа спустя...

Отдав деньги, выхожу из машины, легкий хлопок. Водитель сразу же подбегает к багажнику, достает вещи, с улыбкой подает мне, не проронив и слова. После возвращается в салон. Как только такси уезжает, осматриваюсь.

Колледж выглядит весьма угрюмо, так же и на рекламных

буклетах. Скорее, это его непревзойденный стиль. Старые колонны с трещинами, мраморные статуи, поросшие грибом. Кованые решетки на окнах и кроваво-красная черепица.

Три достаточно высоких башни с заржавевшими флюгерами на крышах затянуты зеленым плющом. Типичный английский садик и большой летний фонтан, который, по всей видимости, уже давно не работает.

Большие кованые ворота закрыты. Чуть дальше – маленькая черная калитка. Встречать меня, наверное, никто не соизволит. Спасибо и на этом.

Иду по дорожке, выложенной из гранитных квадратов. Сквозь сад она ведет меня прямо к большим резным дверям из дуба или ольхи. Не особо разбираюсь...

Над входом висит оригинальный потрепанный ветром плакат с надписью: *«Коммерческое учреждение „Колледж Черное сердце“ рад приветствовать студентов»*. Мой внутренний голос предлагает мне сбежать отсюда, а мозг заставляет ему противиться.

Волнение и страх на пике ожидаемого. Думала, после всего, что произошло со мной, уже не в состоянии бояться, сотни раз твердила себе, что ничего не боюсь, даже... Даже смерти.

Лгу самой себе, обманывая на уровне подсознания. Ведь все люди чего-то боятся, абсолютно все. Кто-то боится замкнутых пространств, пауков, змей, высоты. Видимо, я бо-

юсь всего нового, всего неизведанного. Боюсь того, что сейчас находится за дверью.

Очень крепко, со всей силы сжимаю сумку. Кладу левую руку на позолоченную ручку. Пульс скачет. С дрожью по всему телу открываю входную дверь. И вот оно, облегчение. Выдох.

Внутри все выглядит достаточно мило. Намного приличнее, чем фасад. Высокие потолки, величественные орнаменты, позолоченные лепнины, портреты профессоров античности и картины Средних веков. Роскошно и богато, нечего добавить...

Широкие лестницы, большие просторные коридоры, окна, пропускающие много света. Некоторые из них искусно расписаны витражами. Забываюсь, рассматривая все, словно наивный ребенок, который впервые в жизни попробовал шоколад.

В самом центре холла свое законное место занимает скульптура. Под ней неприметная табличка – герцогиня Мария Элиза Ланкастер. «Судя по всему, эта усадьба когда-то принадлежала этой даме. Вкус, конечно, у нее был отменный, не поспоришь», – подумала я в миг, когда обратила на нее внимание.

Глаза бегают туда-сюда от растерянности. Невольно замечаю дверь кабинета директора. Подхожу к нему, не обращая внимания на людей вокруг. Два несильных удара – «ТУК-ТУК». Молчание. Долгое, томительное молчание, затем шо-

рохи. Стук длинных шпилек. Дверь открывается.

– Да? – отвечает статная дама в очках.

Молчу. От стеснения, от незнания, что ответить.

– Вы что-то хотели? – Пауза. – Вы, наверное, к миссис Ланкастер? – Продолжительная пауза. – Ее сейчас нет на рабочем месте... – Снова пауза. – Вы первокурсница?

Продолжаю молчать, вытаращив глаза.

– Как вас зовут, мисс?

– Люси, Люси Томсон, – выдавливаю из себя.

Услышав мое имя, женщина в очках ныряет внутрь кабинета, не закрывая дверь за собой, будто бы ее вдруг осенило. Стою на прежнем месте, опираюсь на дверной косяк. Ставлю сумку на пол.

Наблюдаю за тем, как дама копошится в бумагах, что-то ищет. Из-под кипы документов она вытаскивает черную папку с каким-то интересным значком, изображенным по центру. Возможно, эмблема колледжа...

– Зайдите! Заходите в кабинет, мисс Томсон!

Прохожу и застываю напротив рабочего стола.

– Так... Люси... – Из черной папки она достает два ключа и еще пару каких-то бумажек. – Возьмите, – подает мне. – Ключи от вашей комнаты и расписание, – уточняет. – На брейке указан номер, – смотрит в монитор ноутбука, затем продолжает, – однако вы припоздали, все первокурсники прибыли еще два дня назад. Так что быстрее включайтесь. Времени на «акклиматизацию» у вас нет. Сегодня осваивайтесь,

а с завтрашнего дня приступайте к занятиям! Да... и еще, не забудьте получить необходимые книги в библиотеке!

– А... – застываю как статуя.

– Третий этаж... Лестница в конце коридора возле читального зала. – Презрительный взгляд, ей богу, сейчас она в таком же нелепом шоке, как и я.

Киваю головой. Выдох. Люси, соберись! Мысленно подбадриваю себя изо всех сил. Уткнув глаза в пол, выхожу из кабинета, закрываю дверь за собой, не смотря по сторонам.

Одно мгновение, одна секунда. Толчок справа. Стакан из картона падает передо мной. Содержимое оказывается на одежде. Все вываливается из рук.

– Черт! – кричу в панике, осознавая до конца, что произошло. Смотрю на испорченный свитер. – Почему же мне все время не везет? – говорю тихо, про себя.

– Упс, – раздается чуть хриплый голос парня, врезавшегося в меня. – Ты откуда взялась? – Он наклоняется, поднимает стакан, затем ключи и разлетевшиеся листки. – Я не видел тебя, клянусь! – протягивает руку, подает уроненные мной предметы.

Забираю аккуратно, не касаясь его руки. Наши взгляды пересекаются. В этот момент парень, уронивший кофе, опешил. Видно по лицу. Он не знает, что еще сказать, не знает, что вообще стоит говорить.

Ситуация неловкая. Действительно неловкая. Сама вино-

вата. Пора бы уже научиться смотреть по сторонам. Сгибаю бумагу пополам, ключи кладу в задний карман штанов. Не заикливаясь, хватаю свою сумку и в быстром темпе направляюсь к лестнице, случайно цепляю незнакомца плечом. Продолжаю идти как ни в чем не бывало.

– Стой! Стой, подожди!

– Хочешь извиниться? – спрашиваю, обернув голову назад.

Что я несу? Это же мне нужно извиняться!

– Нет... то есть да, то есть... Полный кретин, – бубнит себе под нос. – Мне правда очень жаль! Давай в качестве извинений помогу донести твои вещи, что ли? Сумка явно тяжелая...

– Не нужно, спасибо, я вполне смогу справиться сама... без твоей помощи. Лучше впредь просто будь...

Оглянуться не успела, как он выхватывает сумку из рук, обгоняя меня, забирается на лестницу. Оборачивается, смотрит на меня.

– Ну чего застыла? Нам на третий этаж, идем!

Подхожу к винтовой лестнице. За ним вслед преодолеваю ступеньку за ступенькой.

– Ах, да, кажется, я не успел представиться. Меня Макс зовут, – говорит он, спустя несколько секунд.

– Люси, – отвечаю скромно, скорчив злую мину.

Пока мы поднимаемся, Макс то и дело постоянно оглядывается и смотрит на меня, его белоснежная улыбка натяги-

вається до ушей, немного смущает.

– Чего ты такой веселый? Думаешь, вот помогаешь девушкам, и все, на небесах зачтется? – ирония...

– Ха-ха! Смешно. Очень смешно. На самом деле нет, просто ты очень мило хмуришься, и меня это забавляет, – после этих слов Макс замолкает и отводит от меня свое лицо.

Вот и третий этаж. Двигаемся по коридору. Макс идет уверенно, будто знает, куда нужно, знает здесь каждый уголок, каждую трещину на потолке. Молчит. Наверное, не почувствовал взаимности, не почувствовал желания с моей стороны продолжать вести диалог и, как джентльмен, предпочел не навязываться...

– Кажется, мы уже пришли, – смотрит на стену, смотрит на номер, нарисованный белой краской в верхней части двери. – Вот твоя комната, – Макс ставит сумку на пол.

– Как ты узнал?

– Узнал что?

– Номер...

– Брелок на твоём ключе. – Пауза. – Было приятно познакомиться, Люси, хотя, наверное, не очень приятно... – улыбнувшись напоследок, уходит.

Вставляю ключ в замочную скважину, смотря на исчезающий из виду затылок Макса, поворачиваю до упора, вытаскиваю, открываю дверь. Комната совсем пустая, будто бы никто до меня здесь не жил. Спертый воздух подтверждает предположения.

Бледно-лиловые обои, вполне обычная и стандартная мебель. Деревянный пол, белый потолок с лепнинами и плинтусами. Большое пространство, много света.

Бросаю свои вещи возле платяного шкафа, подхожу к окну. Пытаюсь разобраться с защелкой, открываю, высовываю голову. Вид по меньшей мере божественный! Как же здесь красиво. Как же здесь все-таки красиво. Свысока вырисовываются необыкновенные пейзажи, которых с земли не заметишь.

Наверное, именно это и было мне нужно. Признаю. Мне было необходимо сбежать куда-то подальше от Лондона, в какое-нибудь забытое всеми и вся место и просто попробовать сначала.

Часть 1.Люси

Глава 2. Новая жизнь

Человек меньше всего похож на себя, когда говорит от своего имени. Дайте ему маску, и он расскажет всю правду.

©Оскар Уайльд

За окном льет как из ведра, а я просто смотрю в потолок, дожидаясь окончания лекции. Четверг – самый плохой день в неделе. Наверное, оттого что у меня несколько пар по химии и математике, а это просто адская смесь. Мозг кипит от нескончаемого потока информации, руки отваливаются от писанины, бескрайние конспекты. Наконец-то этот мучительный день подходит к концу.

Смотрю на часы, затем в окно, снова на часы. Считаю секунды. Еще бы немного сил, чтобы вытерпеть. И вот, наконец. Лектор объявляет о том, что мы все свободны. Неужели.

Неужели это случилось...

Собрав тетради, выхожу в коридор. Смешиваясь с толпой, иду к лестнице, спускаюсь со второго этажа на первый. Миную читальный зал, захожу в кафетерий. На раздаче царит шикарная смесь разных вкусовых запахов.

Ароматная булочка с корицей, крепкий горячий кофе для бодрости и немного фруктов – собственно, и весь мой ужин. Не из тех, кто набивается на ночь. Хотя раньше бывало, грешила этим. Ну а кто не любит поесть перед сном? Беру поднос с едой. Двигаюсь в самый конец буфета. Думаю, куда присесть. «О, Люси! Садись к нам!» – раздается знакомый голос.

Осматриваюсь. За столиком возле окна замечаю Ронни и Киру, копающуюся в телефоне. Подхожу к ним, ставлю поднос на стол и сажусь рядом с Ронни. Смотрю на Киру. Бледный цвет кожи, ярко выраженные мешки под глазами. Растрепанные волосы и, в общем, болезненный вид.

– Не обращай на нее внимания, она последнее время то и делает, что зависает в интернете. Такое ощущение, будто Киру вообще ничего в жизни не интересует, – говорит Ронни, затем делает глоток бархатистого чая с лимоном. – Кажется, это депрессия, – поставив кружку на стол, шепчет мне на ухо.

– Про твою сестру до сих пор ничего не известно? – решаюсь спросить у Киры.

– Нет, – Кира отрывается от моби́льника, смотрит на ме-

ня. – Следователи разводят руками. За пределы королевства она не выезжала. Никаких билетов на ее имя нет. По стране такая же ситуация. Полиция безнадёжна. Они просто ничего не могут сделать! Никто ничего не может...

Дрожь в голосе Киры говорит сама за себя. Ни с чем не спутаешь. Вот-вот ее эмоции вырвутся, и она заплачет, вот-вот она закричит. Не от того, что ей тяжело, – от тихой безысходности.

Я научилась это видеть, научилась распознавать в чужих глазах опустошение. Лишь после того, как сама через это прошла.

– Ты веришь, что она жива? До сих пор веришь? – выдает Ронни. Встает. Не дожидаясь ответа, уходит за второй порцией чая.

Ронни, он – чайный наркоман, не может жить без него, как в принципе я без сладкого. Но мне эта любовь не поддается пониманию, ну как можно безумно любить чай? Наверное, никогда этого не пойму. А ведь кто-то ненавидит тортики и задается таким же вопросом...

– Знаю. Да, Роузи не смогла бы уехать или исчезнуть вот так, ничего мне не сказав. Не сказав никому. Сейчас понимаю, что с ней случилось что-то нехорошее, но боюсь даже представить, что она уже давно мертва. Каждый месяц новые опознания. Каждый раз с замиранием сердца молю, чтобы в очередном черном мешке... – Кира прикрывает лицо ладонями.

Возвращается Ронни. Обходит меня со спины, ставит чашку на стол.

– Родители уже отчаялись, они делают вид, будто бы ничего не происходит. Понимаешь, Люси? Словно Роуз никогда и не было. Они просто вычеркнули ее и продолжают жить, наслаждаясь тем, что они называют жизнью, – продолжает Кира.

– Явно ты просто преувеличиваешь, – вновь врывается в разговор Ронни.

В конце апреля в колледже «Черное сердце» пропало пятеро студентов. Когда я узнала, оказалась в диком шоке. Спасибо, папочка, что отправил меня в «самое безопасное место в мире»...

Четверо были найдены мертвыми в окрестностях усадьбы спустя две недели. Пятого студента нашли чуть позже в озере. Все местные газеты и журналы только об этом и кричали. Ну и скандал же тогда был, судя по слухам. Многие родители перевели своих детей в другие вузы, а колледж хотели закрыть.

Полиция считает произошедшее событие массовым самоубийством. «Что, простите? Массовое самоубийство? Несколько подростков пошли в лес, пристрелили себя, а потом каким-то образом аккуратно закопали свои тела?» – мелькало в моих мыслях. Нет, ну а что?

Администрация колледжа, естественно, говорит о несчастном случае. Часть верит полиции, кто-то считает,

что все-таки студенты были убиты. Кто-то верит в мистику. Правда всегда у всех своя.

Сестра Киры – Роузи – пропала в конце мая, уже после инцидента. Связаны ли оба случая, сложно сказать. За четыре месяца поисков никаких результатов. Хотя Роуз, в отличие от тех ребят, и не нашли мертвой, но, к большому сожалению, фактов, указывающих на то, что она жива, тоже нет.

– Я, пожалуй, пойду к себе, увидимся завтра! – Кира резко встает, не убирая за собой, выходит из кафетерия, внимательно разглядывая что-то в экране.

Допив свой кофе, ставлю кружку на стол.

– Тони! Ты ведь хорошо знал Роуз? Вы же учились на одном курсе? – спрашиваю невзначай.

Ронни молчит. Обхватив кружку руками, гладит ручку. Уводит взгляд от меня.

– Мы общались, у нас были теплые взаимоотношения, но никогда мы не были друзьями... – нервно подсказывает со стула. – Роуз сделала то, что не должна была делать, за это и поплатилась, – берет свой рюкзак и уходит без объяснений.

Что за день такой? Сегодня все сговорились, что ли?

Следующим утром

На часах около семи утра. Ночью не могла заснуть, не выспалась, да и при таких событиях, как в моей жизни, каждый забудет, что такое сон и с чем его едят.

Долго привыкаю спать на новом месте. Уже как месяц прошел, а я... ну как обычно. Иногда меня мучают кошма-

ры, точнее всегда, но с переездом в колледж их стало меньше, видимо, затишье перед бурей либо действительно новая обстановка, свежий воздух и смена распорядка дня идут на пользу.

После завтрака решаюсь заглянуть в библиотеку, в самое безлюдное место в этом колледже, чтобы в тишине подготовиться к семестровой работе по испанскому языку. Ну и, конечно, взять что-нибудь интересное для чтения на досуге, как же без сопливых романов о любви?

В этом колледже очень большая библиотека. Столько книг не видела за всю свою жизнь, а точнее, за свои восемнадцать лет и зим от рождения.

Трехметровые стеллажи ломаются от книжных сборников, многотомных сочинений. Перечитать все и века не хватит. Как заядлый любитель классики, я могу затеряться среди стеллажей, совсем позабыв обо всем на свете. Да что уж там, проще мне вообще переехать жить в библиотеку, ведь и так большую часть своего времени провожу именно здесь.

Языки, как выяснилось, не моя стихия. Испанский дается с большим трудом. Приходится часами зубрить слова и грамматику, чтобы не завалить экзамен. Английский еще куда ни шло, ведь он мой родной, но вот испанский... Почему не выбрала французский? Хотя бы звучит красивее, язык любви и все дела.

За книгами минуты превращаются в секунды. Случайно посмотрев на часы, понимаю, что опаздываю на факуль-

тативные занятия по философии. Неделю назад записалась в клуб «всезнаек-ботаников». Вот не дура ли? У меня практически не хватает времени на обязательные предметы, так нет, нужно нагрузить себя по полной программе, нырнуть в учебу с головой. До конца своих дней учиться, учиться и учиться, а потом «оставить кучу учебников в наследство своим кошкам».

Как угорелая вылетаю из библиотеки и несусь «сломя голову» вместе с кипой книг на руках. В последнее время стала очень забывчивой и рассеянной. Говорят, что это происходит из-за стресса. Вполне возможно. Мне подходит этот «диагноз». Стресс и потеря сна – самый мощный удар по иммунитету и организму в целом.

– Простите, я тут немного задержалась, – говорю преподавателю, открыв дверь кабинета, больше похожего на гостиную, в которой расставлено много столов и стульев.

– Мы еще не начинали, но прошу вас больше не опаздывать!

– Да, сэр. Обещаю, это было в первый и последний раз... Как же иногда меня бесят английские манеры и этикет.

– Присаживайтесь! Повторюсь для «вновь прибывших», меня зовут профессор Ларри Уитмор. Мы с вами будем изучать основы философии. Хотя вы и выбрали мой предмет как дополнительный, все же попрошу относиться к нему так же серьезно, как и к остальным...

Вроде бы пронесло. Давно не бегала. Мои легкие пребы-

вают в небольшом шоке от таких занятий физической культурой. Спустя некоторое время, отдышавшись, понимаю, что забыла свою сумку вместе со всей канцелярской ерундой. Черт, черт, черт!

– Эй, слушай, не одолжишь мне ручку и тетрадь, ну или хотя бы листок? – спрашиваю у парня, который сидит рядом.

Он не обращает внимания.

– Эй?! – толкаю слегка.

Наконец-то оборачивается. Испуганными глазами рассматривает меня.

– Люси! Встреча так встреча. Как же откажешь такой «пунктуальной» девушке! – Макс отрывает из середины тетради два листка, берет лежащую перед ним ручку. – Вот, держи, – подает с читаемым подтекстом, смеется.

Честно говоря, сразу его не узнала. Не думала и не ожидала снова с ним встретиться, да и еще на философии.

– Ты меня очень выручил. Буду благодарна по гроб жизни!

– Не стоит. Будем считать, что это дополнительный бонус к сумке. Ну, знаешь, как в торговых центрах...

Лекция очень нудная, не прошло и пятнадцати минут, а мне уже хочется спать. Опускаю голову на стол. От скуки смотрю на Макса. Сейчас бы уснуть, правда, Люси?

Макс смотрит на доску, в руке переворачивает карандаш и завораживающе другой рукой придерживает свою «буйно тяжелую головушку», ну хоть кому-то интересно.

«Как волны набегают на каменья, и каждая там гибнет

в свой черед, так к своему концу спешат мгновенья, в стремление неизменном – все вперед!»¹, – с Макса взгляд падает на запись в его тетради. Еще один поклонник классики. Теперь мне стало понятным, почему он так сильно похож на шекспировского героя...

– «Родимся мы в огне лучей без тени и к зрелости бежим: но с той поры должны бороться против злых затмений, и время требует назад дары»², – подняв голову, проговариваю шепотом, но так, чтобы было слышно.

– Любишь Шекспира? – удивленно спрашивает, сразу же оторвавшись от речи лектора.

– Знаю наизусть от первой и до последней фразы! Пожалуй, он единственный, кто смог покорить мое сердце, – отвечаю с ноткой сарказма.

– Ланкастер! Томсон! Тише! Если вам неинтересно, то можете покинуть кабинет и продолжить свои личные «беседы» за дверью, – возмущается преподаватель философии.

– Мистер Уитмор, попрошу не забываться, где находитесь! Вы не имеете права указывать на то, что я могу и что не могу делать, находясь в заведении, которое целиком и полностью принадлежит моей «мамочке», к тому же я

¹ «Как волны набегают на каменья, и каждая там гибнет в свой черед, так к своему концу спешат мгновенья, в стремление неизменном – все вперед!» – Уильям Шекспир, сонет №60.

² «Родимся мы в огне лучей без тени и к зрелости бежим: но с той поры должны бороться против злых затмений, и время требует назад дары» – Уильям Шекспир, сонет №60.

не ваш студент, – дерзко заявляет Макс.

Профессор застывает на месте. Кажется, еще пара слов, и он умрет от стыда. Прикусывает губу, пытаясь что-то сказать, но не может. Дар речи сняло как рукой. Через десять секунд он вновь начинает моргать, вот-вот придет в чувство.

– Внимание на доску, – произносит Лари Уитмор, обращаясь к аудитории. – Каждый, находясь здесь, считается моим учеником, Ланкастер, – говорит и одновременно что-то пишет маркером.

Макс разговаривает с учителем, как начальник с подчиненным, но не каждый начальник высказывается так по-хамски. Возможно, накричит, но не станет указывать на социальный статус.

Хоть усадьба и принадлежит Ланкастерам, считаю, что все же некрасиво так общаться с персоналом, указывая, где их место. Макс... Он на самом деле ведь добрый и милый, но почему-то очень хочет казаться злодеем, хочет, чтобы в нем видели хулигана. Вот только почему?

Во мне тоже живет дух бунтарства. И... иногда он может вырываться наружу, в не очень подходящий момент. Такие эмоциональные всплески и резкие перемены в настроении – провоцирует щемящая боль. Именно так люди просят помощи, – «Да обрати на меня внимание, наконец! Ну сделай хотя бы вид, что тебе не все равно!». А окружающим опять на тебя наплевать...

14 октября

Этой ночью мне не спится. Походив по комнате, накидываю олимпийку на плечи, выхожу из комнаты в коридор. Возле лестниц есть небольшой укромный уголок с двустворчатым окном почти во всю стену. Иду по памяти. Кромешная темнота. Нащупываю перила. Прохожу чуть дальше и вижу то самое окно. Сажусь на подоконник.

Наблюдаю, как моросит дождь. Маленькие капельки стекают по холодному стеклу. Холодно. Руки в замок. Подношу ко рту и дую на них теплым воздухом. От терпкого дыхания стекло запотевает.

В голове появляется идея. Прислоняю правую руку, пальцем начинаю рисовать произвольные узоры. Люблю так делать еще с детства...

Небо затянуто облаками. Луны и звезд вообще не видно. Увидеть звездное небо в это время года – большая редкость. Случайно замечаю темный силуэт Макса в расплывчатом отражении. Он просто смотрит. Он стоит и смотрит на меня, безмолвно.

– Долго будешь стоять и пялиться?! – произношу, обернув голову к нему.

– Не хотел тебя пугать, – говорит тихо, подходит. Продолжительная пауза. – Не спится?

– Есть такое...

– Тоже люблю сидеть здесь вечерами, смотреть, как капает дождь, – улыбается.

– Я здесь не поэтому, – перебиваю. – Вообще ненавижу

одинокчество, ненавижу сырость, ненавижу холод. Последние время я ненавижу все вокруг...

– Тогда почему ты здесь? – спрашивает с задумчивым лицом, садится напротив меня.

– Иногда я просто боюсь засыпать. Боюсь вновь оказаться внутри повторяющихся кошмаров. Они то прекращаются, то вновь начинают мучить, – отворачиваю голову от окна и смотрю на лестницу. – Приходится всю ночь скитаться и засыпать с рассветом, тогда шансов избежать...

– Однажды меня тоже преследовал кошмар, – перебивает. – Отголоски прошлого, которые точно так же заставляли умирать каждую ночь, но воскресать к утру.

– И что? – смотрю в глаза Макса. – Он исчез или продолжает мучить?

– Появляется время от времени. Поначалу пытался бороться, но все заканчивалось неудачами. Прошрое – лишь часть нашего пути. Так или иначе, от себя не убежишь...

Макс заворуженно смотрит вдаль. Несколько минут он просто молчит, задумавшись о чем-то.

– Со временем я научился терпеть. Теперь уже не так больно... – Пауза.

– Твой шрам... С этим прошлым связан твой кошмар? – неуверенно спрашиваю, протягивая ладонь к его лицу.

– Не смей! Не нужно, – откидывает мою руку. – Никогда! Никогда не прикасайся к моему лицу! – разъяренно кричит.

Макс буквально потемнел. Он наполнился яростью.

Спрыгнув с подоконника, он замахивается на меня, нарочно промахнувшись, ударяет кулаком в стекло. Осколки разлетаются по сторонам, чудом не попадая в меня.

Макс находится в не понятном мне состоянии. По его руке струится кровь. В темноте кажется, что она ярко-черного цвета. Он быстро снимает кофту и прикрывает раны.

Резко в левом крыле включается свет, и Макс бежит к лестнице, быстро пропадает из виду. На шум сбегаются люди. Все смотрят на меня, а я ничего не понимаю. Смотрю на осколки, а в них мелькает все мое прошлое.

Глава 3. Ниточка прошлого

Большое преимущество получает тот, кто достаточно рано сделал ошибки, на которых можно учиться.

©Уинстон Черчилль

– Пожалуйста, останься! Майк, пожалуйста! Я знаю, твоя жизнь ужасна, и ты снова пьян. Опять пьян. Черт! Майк, остановись... Не садись за руль!

– Не нужно, Люси, не нужно заботиться обо мне. Сейчас я хочу покоя. Отпусти! – Вырывается и идет к машине. – Я просто хочу прокатиться в одиночестве, просто хочу побыть один, наедине с собой и дорогой.

– Именно этого я и боюсь!

– Уже поздно. Люси, иди домой, – садится в машину, заводит мотор.

Стою и смотрю, как он уезжает...

Вечеринка

3 марта 15:40

– Как же я обожаю твоё имбирное печенье с молоком. Боже, оно просто восхитительное! – говорю я, уплетая мамино печенье.

Этот вкус детства вызывает у меня бурю ностальгических воспоминаний. Наверное, только печенье и получается у нее на отлично. Мы с отцом стараемся не критиковать то, что она готовит, но утка с яблоками – это просто ядерный взрыв в желудке. Кому-то дано, а кому-то не очень...

– Солнышко, на здоровье, только прожуй сначала, а потом начинай говорить, подавишься ненароком, – упрекает мама, собирая свои вещи.

– Тебе обязательно нужно уехать из Лондона? – говорю и одновременно строю тоскливые глазки.

– Да, Люси. Ты же знаешь, я бы никогда не оставила тебя, если бы это не было так важно, – мама садится рядом со мной и берет мою руку. – Лора очень многое сделала для меня, сейчас, когда ей нужна моя помощь, я не могу отказать. Всего пару дней!

Мама выглядит чем-то озадаченной, встает с дивана и выходит в прихожую. Я же, в свою очередь, кладу тарелку с печеньем на стол и бегу за ней.

– Сегодня вечеринка у Тиши...

– Сходи, развейся. Нечего сидеть дома и грустить. Да, смерть Майка ужасная трагедия и потеря, но его уже не вернуть, ты должна продолжать жить, и... хватит целыми днями сидеть у телека! Поняла?

– Люблю тебя! – кидаюсь на шею, обнимаю маму двумя руками.

– Ну, все, Люси. Я должна ехать, – улыбается, открывает дверь. – Много не пей! – смеется. Выходит из дома.

Зная заранее, что произойдет, остановила бы его? Провокационный вопрос. Возможно. Я же пыталась... Как глупо это сейчас звучит, не правда ли? Пыталась, но не остановила...

Ведь чувствовала... Я чувствовала, что случится непоправимое, но стояла как вкопанная в землю и не могла ничего сделать. Словно незримые силы специально парализовали меня.

Спустя полтора часа...

Звонок в дверь. «Ну, кого там еще принесло! Кому не наплевать на мое существование?» – бормочу про себя, неохотно спускаясь на первый этаж. Спотыкаюсь об ступеньку, ударяю ногу. Да что за..? Звонок разрывается от непрерывных нажатий. Вприпрыжку добираюсь до дверей, открываю.

– Привет, Люси!

– О, Синди! Заходи!

– Девчонки включили тебя в черный список, – Синди за-

ходит в прихожую, кидает свои вещи на столик возле лестницы. – Твои бывшие подружки, между прочим, – проходит на кухню. Я за ней вслед.

Черный список. Схема его работы очень проста. Механизм у этих часов проверен временем. Тебя никуда не приглашают, вечеринки и все остальные прелести «светской» молодежи для тебя закрываются. Ты становишься изгоем. Начинаются травли, и жизнь превращается в сущий ад. Только вот они немного припоздали. Для меня он начался намного раньше...

– Из-за всей этой канители Тиша деликатно намекнул, что тебе лучше не стоит появляться на его вечеринке, – садится на стул и продолжает, смотря на меня. – Пришлось врезать ему пару раз и деликатно объяснить, что если тебя не будет, то наши с ним отношения сильно «подпортятся».

– Сто пудов шантажировала его...

– Тем самым, – смеется в голос. Вдруг резко прекращает. – Ты как? Мы уже не виделись...

– С похорон Майка, – обрываю Синди. – Я нормально. Чувствую себя уже лучше.

– Брось! Я же знаю, что это не так!

Авария? Да, она выбила меня из колеи. Как в глупом сценарии. Узнала на следующий день в школе. Думаю, нет смысла говорить о том, что я почувствовала в тот момент. На меня обрушилась лавина. Но звали ее не «Майк»,

как вы могли догадаться, а моя «дорогая, лучшая подружка» – Ани.

По школе сразу же разнеслись сплетни. Много подробностей обо мне, о которых я сама не знала. Репутация скатилась к минимуму и меня все возненавидели. Остались лишь те, кто хорошо знал Майка и меня в частности. Но даже они где-то глубоко в душе винили меня.

– Синди. Зачем мне что-то говорить, если ты и так все прекрасно знаешь. Ани своей ревностью разрушила его и мою жизнь.

– Я-то знаю, но другие не хотят копаться в этом грязном белье, не хотят разбираться, почему в ночь перед аварией Майк был с тобой. Это естественно, что люди верят Ани, хоть она еще та ..., но она его девушка. До сих пор остается ею, – опускает глаза. – Очень часто вспоминаю, сколько раз мы вытаскивали его из запоев, сколько раз останавливали его, когда он был на краю.

– Я не могу вспоминать... Становится тошно. Тяжело...

– Так, хватит! Больше никакой депрессятины! – уходит от темы. – Это печенье, которое делает твоя мама? – смотрит на почти пустую тарелку перед ней.

– Угу.

– Обожаю его! Можно взять?

– Да, бери сколько хочешь, только не лопни.

– Так, мисс, и почему вы все еще не собраны? – говорит,

прожевывая печенье. – Мне долго тебя ждать или как? Вечеринку еще никто не отменял. Покажем этим стервам, кто хозяин в этом городе!

– Иду-иду! Кстати, в отличие от некоторых, я не крашусь полдня!

Тогда я впервые столкнулась со смертью, с того рокового дня моя жизнь и посыпалась в бездну. Впервые узнала, какого терять близкого человека, какого, когда от тебя отворачивается целый мир.

Какая же наигранность. Было мерзко смотреть на похоронах, как Ани изображает жертву. И самое смешное в том, что все вокруг сочувствовали и сопереживали ей, и никто не задумывался о том, что чувствую я. Они, все они смотрели на меня презирающим взглядом.

Я сдерживала все внутри. Никто не знал, как мне было больно. Даже не подозревали. Сама не хотела, чтобы жалели. Это выглядит жалко. Твердила, что сильная, что справлюсь. И я справилась. Было сложно, но я справилась. В одиночку, как всегда.

Каменные лица, тишина и пустые глаза не говорят о безразличии, они говорят, что могут сказать намного больше, чем вы, но... неважно, что они скажут, ведь их все равно осудят.

Мама очень беспокоилась за меня. Наверное, догадывалась, почему я не хожу в школу, почему перестала вмиг об-

щаться со всеми. Меня перевели временно на домашнее обучение. Тоже ее заслуга.

Благодарна ей. Находясь рядом с ней, всегда чувствовала, что нахожусь за стеной. Она понимала меня. Да, буду вновь повторять. Она помогала мне, но никогда не жалела. С детства научила справляться со всем самой. Ведь когда-то и она уйдет. Моя защита рухнет, и тогда... А что тогда? Как я буду жить дальше?

Вечер

Раньше не особо посещала подобные «мероприятия». Мне никогда не нравилось, что происходило на этих вечеринках: сборище подростков разносят дом родителей, выпивают литры алкоголя, случайные связи, а наутро белый лист.

Но сегодня я решила пользоваться правилом «бери от жизни все, живем ведь один раз». Хочется развеяться, забыться, тем более мама в этот раз дала добро.

– Люси! Ого! Выглядишь потрясающе! Тебя сразу и не узнаешь. Никогда не видел тебя в платье! – кокетливо заливает Тиша.

– Брось, я знаю, что ты не рад меня видеть здесь. Ты не обязан ставить на кон свою репутацию ради меня, так что...

– Так, проходим и не толпимся! – проталкивает меня в дверь Синди.

В доме очень много людей. Большую часть из них я не знаю. Вхожу в гостиную, сажусь на свободный диванчик,

пока Синди увлеченно беседует со своим бойфрендом. Вечеринка, по всей видимости, удалась.

Тиша – звезда клубов, разных тусовок. Неудивительно, что все считают его крутым, он вполне хороший диджей. Как только он начал проявлять знаки внимания Синди, она сразу прибрала его к рукам и до сих пор не выпускает. Мне кажется, она вряд ли его любит, просто ей с ним хорошо и удобно, да и сомневаюсь, что он любит Синди. Даю этим отношениям еще пару месяцев, и то от силы. Как только закончится школа, закончится и их «бурный роман».

Взглядом пытаюсь найти Ани и свою бывшую компанию. Странно, что их нигде нет. Ани попросту не может не прийти. Ведь это событие года, чем черт не шутит...

Спустя какое-то время слышу грохот. Распахиваются двери. Ани со своим новым парнем, Лика, Бони и Клэр – позади, эффектно заходят в гостиную. Словно не замечая меня, проходят мимо. Всего месяц прошел со смерти Майка, а она уже поменяла двух «возлюбленных»...

Сколько знаю Ани, она никогда ничего не говорит в глаза, лишь играет на публику. Думаю, она сейчас в шоке. Не ожидала, что я окажусь здесь. Она добилась, чего хотела, теперь настала моя очередь делать ход.

Музыка громко шумит, закладывает уши. Напротив меня страстно целуются парень с девушкой. Крики и шум. Мне не по себе. Выглядит достаточно омерзительно. Странно, что соседи не вызывают полицию.

Спустя минут пятнадцать я теряю из виду Синди и Тишу. Неудивительно...

– Чего такая прелестная девушка сидит и грустит? Сегодня ведь праздник, грустить не положено, – подошел какой-то парень, на вид явно старше меня.

– Жду подругу, пока она справит свои физиологические потребности, – отвечаю, намеренно уткнувшись в свой мобильник. Мигом набираю сообщение Синди.

Люси: «Ко мне клеится какой-то чувак. Спасай!»

Синди: «Это Тиша. Мы спустимся через двадцать минут, держись...»

Боже, что? Я не выдержу этих двадцати минут!

– Может, я смогу составить тебе компанию? Пиво, водка, пунш? Может быть, игристое вино? – нагло он предлагает мне выпить.

– Ну, раз вы такие галантные, не откажусь от игристого вина, – кокетливо отвечаю ему, делаю вид, прикидываюсь наивной дурочкой, что у меня в принципе неплохо получается, ведь многие и так считают меня недалекой...

Незнакомец подает мне пластмассовый стаканчик с шампанским. Делаю пару глотков. Потом еще несколько и выпиваю все до дна.

– Ничего себе ты пьешь! – удивляется парень, который клеился ко мне.

– А что, нужно было не залпом?

– Ха-ха. Какая же ты милая. Таких, как ты, сейчас одна на миллион.

Судя по всему, ты не знаешь, что обо мне говорят. Я не такая невинная, как тебе кажется.

Чтобы легко поддерживать беседу и просто находиться рядом с ним, выпиваю еще пару стаканчиков шампанского. Это странное чувство легкости и какой-то невесомости, а потом приятное головокружение. «Звездочки полетели в космос...»

Все периодически поглядывают на меня. Хотят «в очередной раз» убедиться в правдивости слухов? Ну что, Люси, устроим шоу? Нужно соответствовать своей ситуации и держать планку, а мы тут плывем. Люди же хотят зрелищ, пускай наслаждаются...

– Идем, потанцуем, – предлагаю, улыбнувшись.

– Нет, спасибо! Танцор из меня не очень. Если хочешь, иди, я посижу здесь и подожду тебя.

– Хорошо! Только никуда не пропадай, а то меня и так все кинули-и, – говорю, запинаясь.

Встаю с дивана, прохожу дальше по комнате. Закрываю медленно глаза и начинаю двигаться в такт музыке. Беру со столика чей-то стакан с шампанским и выпиваю до дна, рука несмело тянется за вторым, а потом тело снова рвется на танцпол. Перед моими глазами мелькают огоньки светомузыки и пьяные люди, которые так же, как и я, бешено дви-

гаются и заливаются литрами бодряного алкоголя. Забываю про все на свете.

«Меня никто не ждет. Я никому не нужна». Эти слова я шептала про себя каждый раз, когда брала новую порцию шампанского. И вот в моем теле уже целая бутылка. И мне сейчас хорошо. Мне никто не нужен.

– Люси, ничего себе ты даешь! Не знала, что ты так круто танцуешь. Ну и колбасит же тебя! – раздается радостный голосок Синди. Она смеется.

– Отойди, не мешай! Мне никто не нужен, – отталкиваю ее.

– Подруга, да ты пьяная в хлам! – возмущается Синди.

– Кто пьяная? Я пья-я-ная? Отвали от меня и иди куда шла. Дальше обслуживай Тишу, – кричу, вновь толкая Синди.

Возвращаюсь к дивану, где меня ждет мой «кавалер». Сажусь и сама наливаю еще шампанского.

– Ты великолепно танцевала! Я не мог отвести глаз, меня это даже немного заводит. А вот та девушка и есть твоя потерявшаяся подруга? – показывает на Синди.

– Хочешь выпить со мной на брудершафт? – предлагаю, игнорируя вопрос.

– Я могу поцеловать тебя и без всякого официоза...

– Ну, давай посмотрим, на что ты способен! Ха-ха! – смеюсь истерическим смехом.

Его губы страстно впиваются в мои. Горький привкус ал-

коголя с запахом сигаретного дыма и пленяющего ментола. Нежный аромат одеколona завораживает мой разум. Рука трепетно ложится на его плечo. Что это я творю? Хотя...

Мне нравится, и я не в силах это остановить. Сердце колотится. Пульс учащается. Жадно кусаю его сочные губы. Руки крепко обхватывают накаченный торс.

– Уединимся в одной из комнат? – шепчет он мне на ухо.

– Ты действительно этого хочешь?

– Я пылаю желанием, – отвечает, поглаживая нежно мою полуобнаженную ногу.

Голова кружится. Все вокруг меня вновь кружится, как карусель, люди мелькают, словно тени. Голоса размываются и теряются где-то.

– Дом большой. Думаю, найдется свободная комнатка для нас...

Резко мой незнакомец отталкивает меня. Встает, берет за руку и ведет куда-то за собой. Мы поднимаемся на второй этаж, заходим в первую попавшуюся открытую комнату. Он закрывает дверь на защелку и начинает расстегивать мое платье со спины, целуя шею и опускаясь ниже до лопаток.

Наклоняюсь, снимаю каблуки. Боже! Какой кайф! Не сравнится ни с чем. Отхожу от него. Сажусь на кровать. Пара секунд, щелчок в голове. Снова невидимые силы руководят моим сознанием. Что-то заставляет меня уйти.

Застегиваю молнию. Внутри меня наконец просыпается та Люси, которая никогда бы в жизни не поступила так.

– Слушай, я, наверное, перебрала. Это все неправильно как-то. Извини, пожалуйста, но ничего не получится.

– Что, прости? – удивляется.

Оставив обувь, быстро кидаюсь к двери, открываю. Бегом вырываюсь из комнаты и направляюсь в неизвестность, куда глаза глядят. Замечаю лестницу. Нервно спускаюсь на первый этаж. Спотыкаюсь на каждой ступеньке. Наконец-то на твердом и ровном полу.

Осматриваюсь по сторонам. Нужно забрать сумочку. Иду в гостиную. Поскальзываюсь, падаю и цепляю вазу. Она разбивается вдребезги, осколки врезаются прямо в запястье. Ужасная боль. Кровь, струясь из раны, капает на дорогую плитку. Вижу Тишу. Он стоит напротив и смотрит на мои окровавленные руки, на осколки дорогой старинной вазы.

– Люси, да что с тобой такое! Ты зачем так напилась? Я просто не узнаю тебя сегодня! – Пауза. – Давай обработаем рану, и ты поедешь домой, вызову такси, – произносит, повысив тон.

Ничего не отвечаю. Аккуратно поднимаюсь с пола и без верхней одежды босиком выхожу на улицу. Направляюсь к дороге, запинаюсь о какой-то острый предмет, падаю на газон.

Лежу на траве. Платье все в крови. Из моих глаз текут слезы, мне хочется просто исчезнуть, чтобы я вдруг перестала существовать.

В сердце врезается голос Майка. Фразы, те самые фразы. Последние, что он сказал мне. «Люси, иди домой...» Становится невыносимо больно. Не только физически. Чувствую, как внутри все печет. Голова болит и кружится еще сильнее. Закрываю лицо руками и начинаю рыдать. Очень громко.

Слышу шаги по садовой дорожке. Кто-то подходит ко мне. Чувствую теплые прикосновения рук.

– Люси, идем, нужно остановить кровь и забинтовать рану! – расстроенно причитает Синди, хватая меня за руки.

– Оставьте меня в покое! Просто оставьте меня. Я хочу исчезнуть, провалиться сквозь землю. Просто уйдите...

– Мальчишки! Занесите Люси в комнату и положите в кровать, ей нужно проспать и прийти в себя.

– Ты думаешь, это хорошая идея? – спрашивает Тиша у Синди.

– Ребят, ну вы чего? Совсем совести нет? Ну, перебрал человек, ну, со всяким бывает. Вспомни, Тиша, как две недели назад я тебя волокла домой!

– Ладно, потащили...

Не надышаться перед смертью

Голова ноет и раскалывается. Неохотно открываю глаза. Вижу перед собой Синди.

– Люси, ты проснулась! Боже, как ты меня напугала вчера. Обещай больше так не напиваться! – тараторит Синди. – Никогда в жизни больше не оставлю тебя одну!

Очень сильно болит рука. Запястье в бинтах. Начинаю вспоминать, что произошло и где я нахожусь. По крупичкам собирается полная картина. Вот дура, что я натворила...

– Почему я без одежды? Где мое платье? – спрашиваю, прикрывая грудь одеялом.

– Уж извините! Твое платье было все в крови и в содержимом твоего желудка, отвратное зрелище, если честно. Мальчики притащили тебя сюда. Ну а мне пришлось снять все и выкинуть к чертям. Даже химчистка не взялась бы это чистить.

– Ох, черт...

– Да-да. Но ты сильно не переживай, я уже успела принести тебе другую одежду...

Просыпаюсь от звонких криков Синди. Не заметила, как

резко вырубилась.

– Вот, выпей, – подает таблетки и стакан воды.

Беру пилюли. Кладу на язык, делаю несколько глотков H_2O , проглатываю.

– Давай одевайся и спускайся на кухню, мы с Тишей приготовили завтрак, – уходит, закрывает дверь.

Смотрю на одежду, которая висит на вешалке. Встаю, подхожу к шкафу, надеваю. Все-таки у нее неплохой вкус. Джинсы и блузка с рукавом сейчас в самый раз. Слышу какое-то жужжание. Иду на слух. На тумбе замечаю свою сумочку. Вытряхиваю все содержимое на кровать.

Беру мобильник. Боже! Больше ста пропущенных вызовов от отца! Родители меня убьют, если узнают, что со мной было. Набираю номер папы. Долгие гудки.

– Алло, Люси! Ты где? Почему ты не отвечаешь на мои звонки? – взволнованно кричит отец в трубку телефона.

– Все хорошо, пап. Я просто очень сильно устала и легла пораньше, поставила телефон на беззвучный. Вот только проснулась, собираюсь завтракать...

Как же мне стыдно. Я вру собственному отцу. До чего же вы докатились, Люси Томсон!

– Тогда почему тебя нет дома? Я заходил, твоя комната пуста...

Черт! Видимо, он уже вернулся в Лондон.

– Я оставалась у Синди, делали школьный проект по истории.

– Люси, бросай все и срочно приезжай в «Mile End Hospital»³!

– Зачем? Что-то случилось?

– Эмили! Она попала в автокатастрофу. Она сейчас без сознания находится в реанимации. Я прилетел из Бостона первым же рейсом, как только узнал.

– Мама в реанимации? – переспрашиваю, но вызов уже сброшен.

Паника. От услышанного в голове каша. Я остолбенела, словно меня ударили электрошоком.

Просто не понимаю, что делать и как реагировать. Оцепенение продолжается. Нужно собираться. Кидаю мобильный, кошелек, зеркальце и косметичку назад в сумку. Хватаю все и выбегаю из дома Тиши, ничего не сказав, что ухожу. Бегу в сторону больницы. Сердце колотится. Увидев первое попавшееся такси, останавливаю машину и сажусь в салон. Все происходит очень быстро, как в трейлере фильма...

– «Mile End Hospital»! Пожалуйста, только быстрее! – тревожно говорю таксисту.

Меня продолжает колотить. Нервный тик. Грызу ноготь и постоянно прошу водителя давить на газ. Смотрю в окно. Мой мозг зависает...

– Приехали! – громко повторяет несколько раз водитель такси.

Словно пробуждаюсь ото сна. Достаю деньги, протягиваю.

³ **Mile End Hospital** (англ.) – больница Майл Энд.

– Сдачи не нужно! – говорю, хлопая дверью.

Иду быстрым шагом. Врываюсь в госпиталь. Вижу стойку ресепшена, подхожу к ней.

– Скажите, скажите, где моя мама? – кричу на девушку за стойкой.

– Успокойтесь, мисс! Назовите имя вашей матери.

– Эмили. Эмили Томсон. Пожалуйста, скорее! Она должна была поступить вчера. Автокатастрофа...

– Так, сейчас! Одну секунду. Эмили Томсон? – Долгая волнительная пауза. – Она в онкологическом отделении на третьем этаже, ее буквально только что перевели из реанимации в палату номер триста сорок восемь.

– Онкологическое отделение? Вы ничего не путаете?

Девушка смотрит на меня пустыми глазами, затем утыкается в монитор компьютера.

– Нет...

Отхожу от стойки.

– Девушка! Девушка, наденьте халат!

Игнорирую. Бегу по ступенькам. Сейчас меня не волнуют ваши халаты...

Поднявшись на третий этаж, пытаюсь сориентироваться. Триста сорок, триста сорок один, вижу отца, он ходит вокруг палаты туда-сюда, как маятник на старинных часах. Подхожу к нему в надежде получить вразумительные ответы на кучу вопросов.

– Как мама? – тихо спрашиваю с отдышкой.

– Она отделалась легкими ушибами и одной парой ссадин. Ничего серьезного, – тяжело отвечает. По его лицу видно, что он чего-то не договаривает. Очень расстроен.

– Ничего серьезного? Тогда почему ее привезли в реанимацию, и теперь она в онкологическом отделении? Что за, черт возьми?

– Это другое, Люси. Твоя мать очень больна. Эмили не хотела говорить тебе об этом, но обстоятельства сложились так. В общем, я считаю, что ты должна, обязана знать. Три месяца назад у нее обнаружили глиобластому⁴. На предпоследней стадии. Опухоль растет с очень большой скоростью. Ты же знаешь свою мать... Она отказалась от химии и любого другого лечения, волшебные препараты чуть-чуть замедляли процесс, скрывая симптомы, но болезнь все равно продолжает прогрессировать. Вчера ей стало плохо за рулем, она потеряла сознание. Паренек, в машину которого она врезалась, вызвал скорую, и ее привезли сюда. Мне очень жаль, что ты узнаешь об этом вот так...

Все это никак не укладывается в моей голове. Вчера утром она была такой веселой и здоровой, а сейчас я узнаю не диагноз, а приговор...

– Сколько? – спрашиваю, свесив голову вниз.

– Две или три недели, от силы месяц. Крепись, моя хорошая, – обнимает. – Нам остается только смириться!

⁴ **Глиобластома** – это наиболее частая и наиболее агрессивная форма опухоли головного мозга.

– Смириться? Смириться и ждать? – Вырываюсь из объятий. – Как ты можешь говорить такое...

Падаю на больничное сиденье возле палаты. Из глаз украдкой срываю солёные капли.

– Она сейчас без сознания, но скоро должна очнуться. Поеду домой, возьму некоторые вещи, ты со мной?

– Нет! Я остаюсь здесь!

Я просидела несколько часов в аморфном состоянии. Перед моими глазами то и дело мелькают врачи и безнадежно больные, которые проживают последние дни в этом мире...

Странно. Очень странно, что до аварии я никогда не задумывалась о том, что на самом деле – смерть. Что такое жизнь? Почему кому-то дано прожить много счастливых дней, а кому-то намного меньше?

Кто же определяет часы? Или, быть может, никто, и во всем этом нет никакого смысла? Все люди рождены, чтобы вот так просто умереть, и ничего более? Неужели моё время тоже так быстро протечет?

Мои представления о мире были наивными детскими иллюзиями. Когда вырастешь, он рушится. Сложно строить новый мир, поверх опустевших руин.

Неделю спустя...

– Люси!

Поднимаю голову, вижу Синди. Рядом с ней стоит Тиша. Они нервно сжимают пальцы. Синди немедленно садится рядом со мной и берет мою руку.

– Все будет хорошо! Мы рядом, вместе с тобой, – говорит

Тиша, опуская вниз свои глаза.

– Спасибо вам, ребята, за все. Я очень благодарна, что вы есть у меня! Только вы и остались...

– Брось! Ну чего ты плачешь, бедненькая моя? – Синди прижимает меня к себе и обхватывает обеими руками.

– Что говорят врачи? – спрашивает Тиша.

– Да ничего они не говорят! Они только лишь могут колоть ей морфий, чтобы она не чувствовала ужасной боли, или ускорить процесс...

Отец выходит медленно из палаты. Рукой прикрывает дверь, смотрит на меня. «Она хочет поговорить с тобой», – вздыхая, говорит. Встаю с кресла. Подхожу к двери. Останавливаюсь. Не могу открыть. Рука не поднимается...

Я не могла смотреть на ее немоющее тело, которое с каждым днем становилось более хилым, слабым и немоющим, из нее будто высасывают энергию злые духи. Я не могла смотреть в ее чистые, голубые, но меркнувшие глаза. Я считала, что страшнее смерти ничего не может быть, но, как оказалось, это не самое страшное. Смерть лишь облегчение. Наблюдая за мамой, я поняла кое-что еще... Смотреть на умирающего самого дорогого, любимого человека и знать, что ты не в силах ничего сделать, – вот что на самом деле страшно.

Набрав воздух в легкие, захожу в палату. Стоит едкий за-

пах хлора и спирта. На руках мамы висят какие-то провода. Кругом торчат разные трубки. Капельница и много разных таблеток разбросаны на тумбе. А в вазе уже увядшие розы, которые пора бы выкинуть. Это зрелище не для слабонервных...

– Люси! Я так рада, что ты пришла, – тихо говорит мама, медленно, с трудом повернув голову.

– Я постоянно торчу здесь, но не могу всякий раз осмелиться зайти. Видеть тебя такой для меня как минимум подвиг. Верю, ты еще поправишься! Мы, как прежде, поедем в наш загородный домик и будем пить холодный чай на летней веранде. Будем вместе с тобой и папой сидеть у костра. Как обычно, он сыграет какую-нибудь мелодию на гитаре, а ты красиво споешь в такт этим звенящим аккордам. Как же я скучаю по тому времени! Тогда было все просто. Ты ведь помнишь? Помнишь, правда?

– Не нужно отрицать очевидное. Я уже смирилась с тем, что пора уходить, Люси. Я не боюсь. Мне грустно только от того, что я не увижу твой выпускной, свадьбу и не услышу первый крик твоего сына или дочери. Ты у меня очень сильная девочка! Ты справишься абсолютно со всеми преградами. Я знаю, впереди тебя ждет очень сложный путь. Будь сильной! Не давай слабину ни на секунду! Этот мир не такой, каким ты привыкла его видеть. Я очень сильно тебя подвела...

– Ты прощаешься со мной? Мама, ты чего?

– Милая, я не знаю, сколько еще дней проживу. Быть может, больше такой возможности у меня не будет, сказать тебе...

Кашляет. Каждое слово дается тяжело и мне, и ей.

– Что сказать? – спрашиваю.

– Будь всегда верна только своему сердцу и не слушай никого. Когда я уйду, найди...

В палату заходит доктор.

– Извините, мисс, время процедур. Подождите, пожалуйста, за дверью!

Мама никогда не заставляла и не принуждала меня. Никогда не разъясняла, что есть хорошо, а что есть плохо. Не заставляла жить по ее правилам. Она лишь показывала мне все возможные дороги, возможные тропы, по которым ходят люди. А я, я сама выбирала, по какому маршруту двигаться. Пускай не всегда удавалось выбрать правильный, не всегда... Но мама... показывала мне новые и новые пути, которые помогали выбраться из тупика.

28 марта

Очень много людей. Интересно кто они все. Каждый из них подходит к гробу, а затем выражает свои соболезнования моему отцу, потом мне. Речей как таковых никто не произносил.

А смысл что-то говорить? Когда нечего сказать. Нет, о маме можно говорить часами, можно очень долго вспоминать,

каким хорошим человеком она была. Вот только прощание с ней больше похоже на цирк, а не похороны...

В церкви холодно. Во всех смыслах. Я стою в черном платье, поверх него черное пальто, смотрю на происходящее со стороны в самом углу, будто чужая здесь. Каждый присутствующий, наверное, считает, что знал Эмили лучше других, но никто, никто не знал и не любил ее так, как я...

Немного тишины. Постепенно начинают расходиться. Только когда зал полностью опустел, у меня хватает смелости подойти ближе. Лишь бы не упасть в обморок. Не хочу, не могу смотреть, но это последний шанс увидеть ее. Последний, и другой возможности уже не будет. Мимо меня проходит священник. Он замирает на несколько секунд возле гроба. Смотрит на гроб, на меня, затем уходит куда-то. Почему я его не видела сегодня? Разве он не должен был произнести молитву?

Она лежит неподвижно в однотонном бирюзовом платье, вокруг тела белые цветы. Белые лилии, которые она очень любила. Как спящая красавица, только холодная. Поредевшие волосы, серая кожа, сухие обломленные ногти, следы от уколов и капельниц. Измученное, изувеченное тело врачевной «лихорадкой».

Кладу свою руку к ее рукам. Медленно провожу по волосам. Дети должны хоронить своих родителей. Да, так и должно быть. Но ты не успела отдать мне все свое тепло. Ты так и не успела осуществить свою мечту...

В молодости она выступала в филармонии со своей собственной концертной программой. Этим зарабатывала на жизнь. На одном из таких концертов она и познакомилась с моим отцом. Он ходил на все, ни одного не пропускал.

Не только он, ее игрой на виолончели восхищались и пророчили большую карьеру, но после моего рождения ей пришлось забросить сцену, стать заботливой матерью. Она променяла известность и большие гонорары на тихую семейную жизнь.

Порой я видела, как она достает пыльный инструмент с чердака, и из ее глаз украдкой скатываются слезы. Любовь к музыке была навсегда забыта...

Только сейчас, в этот момент, я понимаю, что значили ее слезы. Они были не плодом огорчения, злобы и обид, а слезами радости, что у нее есть намного больше, чем популярность и карьера, – ее семья.

– Я, наверное, не вовремя? – спрашивает меня какая-то женщина.

Отхожу и оборачиваюсь.

– Нет. Все в порядке, можете попрощаться, – отвечаю с дрожью в голосе. – Я уже ухожу...

– Подожди! – останавливает меня. – Люси, верно?

– Вы меня знаете?

– Нет, лично нет. Эмили постоянно говорила только о те-

бе, о своей прелестной дочурке, – промолвила она, положив огромный букет лилий к гробу. – Я Лора, – после того как женщина представилась, она подходит ко мне очень близко и крепко обнимает меня.

Наверное, скорее всего, это та самая Лора, давняя подруга. Мама мне показывала старые фотографии, где они вместе. Подружки не разлей вода с самого детства. Они явно были близки. Именно к ней, несмотря на свое здоровье, она так сильно спешила. Будто очень ей обязана или виновата...

– Приятно было познакомиться, Люси! Увы, но мне уже пора. Дела ждут, еле-еле нашла минуту в своем плотном графике. Уверена, мы еще встретимся, – четко проговаривает, затем уходит.

Домой вернулась в подавленном состоянии. А никто и не ожидал, что мое настроение вдруг поднимется. Отец организовывает поминки в нашем доме, я отказалась присутствовать. Хватит с меня.

Медленно, еле стоя на ногах, поднимаюсь на второй этаж, опираясь на перила. Захожу в свою комнату. Скидываю с себя всю одежду и резко падаю на кровать. «Все хорошо, Люси! Ты это выдержала», – говорю самой себе, успокаивая.

Спустя минут пять моя бетонно-каменная стена рушится. Закрываю лицо подушкой, чтобы никто не слышал, и сквозь удушающие слезы начинаю громко кричать.

Поднимаю свои усталые веки. Вечер. Отключилась, и слава богу. Встаю с кровати, иду в ванную. Смотрю на разбросанные вещи.

Из кармана пальто торчит клочок бумаги. Аккуратно достаю. Читаю надпись на листке: «*Amor aut mortem*»⁵. Что? Откуда это взялось в моем кармане? Бросаю буклет в корзину с мусором, а затем выхожу в коридор. Дверь приоткрыта. Включаю свет. Подхожу к зеркалу. Умываюсь, смотрю на свое отражение. Опухшее лицо, помятые волосы, красные глаза и следы от одеяла на теле. Узоры по всей спине и шее. Выхожу к лестнице и спускаюсь на кухню.

Мое настроение на нуле, ниже плинтуса. И хуже уже не может быть. Отец спит на диване в гостиной, сжав в руке бутылку дорогущего виски. Мне бы тоже сейчас не помеша-

⁵ *Amor aut mortem* (лат.) – любовь или смерть.

ло расслабиться. Аккуратно вынимаю бутылку из рук папы и накрываю его пледом. Смотрю по сторонам. Все как раньше. Соль на своем месте, сахар и «стекляшки», все расставлено так же, как ставила она. Будто бы мама просто вышла куда-то и вот-вот вернется. Нужно просто сесть и подождать. Ждать можно целую вечность, но она уже не придет...

Возвращаюсь в свою комнату, сажусь напротив окна. Открыв стеклянную бутылку, делаю несколько глотков. «Фу, как он это может пить! Здесь же один спирт», – завопила я на весь дом. Ну, раз ничего другого нет, придется хлебать это пойло, наверняка весь бар опустошили гости, и эта бутылка – единственное, что успел спасти отец.

Вдалеке мелькают огоньки от фар машин. Тучи начинают рассеиваться. За ветками деревьев нашего сада тускло пробивается свет луны. Давно же тебя не было видно. Наверное, сейчас только луна и понимала меня. Вечно одна во свете солнца. Символ одиночества. Она всего лишь громадный камень. Бездушный, холодный камень. Как же хочется быть такой же, как она. Быть холодной и ничего не чувствовать...

Говорят, когда идет дождь, небо плачет вместе с теми, кто потерял в этот день дорогого человека. Когда идет снег, и метель заметает города, небо дарит людям надежду на то, что те, кто бесследно ушел, смотрит на них и передает привет через безмолвные холодные снежинки. Именно так говорила мне мама, когда я была маленькая.

Каждый раз, когда шел дождь, я смотрела тихо в небеса и спрашивала: «Сегодня кто-то снова улетел жить на звездочку?», а мама, наклоняясь ко мне, говорила, что так заведено в нашем мире. Кто-то приходит на землю, а тот, чье время уже подошло к концу, уходит жить в другой мир. В другое, волшебное царство, со своими законами.

— А когда твое время подойдет к концу, ты тоже уйдешь? — спрашивала я.

— Да, моя милая, когда-то мне придется оставить тебя, но все равно всегда я буду рядом с тобой, вот здесь, в твоем сердечке. Когда тебе вдруг станет одиноко и грустно, ты сможешь посмотреть на небо и вспомнить, как сильно я тебя люблю...

Делаю несколько глотков, ставлю бутылку на пол. Рассматриваю звезды. Ты не умерла, ты все еще жива, вот только в моем сердце...

Реабилитация

Смотрю в окно. Очередные записи в дневнике. Просто нужно выговориться, нужно рассказать, что на душе. Переворачиваю страницу, продолжаю писать...

«Дом опустел. Дни стали серыми и мрачными. После выпускного вечера я выбросила свой мобильник. Закры-

лась от внешнего мира. Все друзья и знакомые разъехались по разным городам и странам, чтобы поступить в престижный колледж. Отец в постоянных командировках.

Боль, стресс и депрессия – это лишь только побочные эффекты. Остаться одной, в пустой комнате, которая все еще хранит воспоминания, запах тех дней, когда было все по-другому, когда мы были счастливы. Одиночество – вот что разрушает.

Мой психолог говорит, что творчество, работа или какое-то новое хобби помогает отвлечься, на время забыть обо всем, уйти от негативных мыслей и жить, то есть пытаться жить дальше.

Я завела дневник. Записываю свои мысли и творческие порывы. Мои стихи ужасны. Да-да, знаю. Самокритика до добра не доводит, но иногда даже полезна.

Так вот, о чем это я? Каждая ночь – кошмары и мокрая подушка от слез. Истерики, припадки стали моими частыми гостями. Я превратилась в какое-то дикое существо. Питаюсь, сплю, справляю нужду. Ну, разве можно назвать это жизнью? Жалкое существование».

Поставив точку, встаю с кровати. Распахиваю окна, чтобы впустить немного кислорода. Вчера отец вернулся из Бостона. Наконец-то его затяжная командировка подошла к концу. Он стал работать больше, видимо, метод «погрузиться в работу» ему помогает лучше, чем мне.

Сидит, смотрит телевизор. Он вообще ложился спать? Разница во времени рано или поздно его доконает. Прохожу мимо. Останавливаюсь резко, оглядываюсь. Замечаю на журнальном столике кувшин с апельсиновым соком. Возвращаюсь назад, беру кувшин, делаю большой глоток прямо из горлышка.

– Люси! Ну, где твои манеры? – возмущается папа.

– Какие манеры, вы о чем, папенька? – включаю дурочку, ставлю все на свои места и быстро пытаюсь скрыться с места преступления.

Резкий звонок в дверь.

– Люси! Открой!

– Ну почему я?

– Люси! – ворчит.

Неохотно подхожу к входным дверям. Смотрю в глазок, открываю.

– Люси Томсон здесь проживает? – спрашивает почтальон.

– Да, это я! А в чем, собственно...

– Распишитесь вот здесь, – перебивает.

Подает ручку, затем какой-то лист. В недоумении выхватываю, в отмеченном крестиком месте ставлю свою подпись. Отдаю все назад почтальону.

– Отлично! – проверяет. – Пожалуйста, держите, – подает сверток пергамента, на котором стоит большая красная печать. – Заказное письмо, – уточняет.

– Спасибо, – благодарю доставщика, закрываю дверь.

Внимательно рассматриваю. Пока ничего не понятно. Аккуратно вскрываю упаковку. Вижу один большой свернутый пополам лист. Достаяю, разворачиваю. Начинаю внимательно читать.

«Здравствуйте, мисс Томсон. Мы рассмотрели заявку на поступление в наш колледж. Ваш средний балл целиком и полностью соответствует нашим требованиям, поэтому приемная комиссия постановила, что с 20 августа 2014 года вы будите зачислены в колледж и с вышеуказанного числа, являетесь нашим студентом. Более подробную информацию вы можете узнать по телефону, указанному на обороте письма, а также на нашем сайте...»

Что? Но я же никуда не отсылала документы. Какой колледж?

– Папа! – яростно начинаю кричать.

– Да, Люси...

– Почему ты не спросил меня? Почему ничего не сказал и не посоветовался со мной? – бросаю перед его лицом письмо. – Интересно! Когда ты хотел мне об этом рассказать?

Поднимает. Внимательно вчитывается.

– Люси...

– Как ты мог? – начинается истерика.

– Понимаешь, жизнь, она не стоит на месте. Тебе нужно

двигаться вместе с ней. Ты должна учиться и сейчас, особенно сейчас это необходимо. Эмили очень сильно хотела бы этого. Пожалуйста, ты должна поехать в этот колледж!

– Я никому ничего не должна, – вырываю из рук отца письмо и рву на части. – Иди к черту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.